

Г. Мунблит

Из книги «Рассказы о писателях»

Уже давно замечено, что среди писателей-юмористов редко удастся встретить весельчаков. Как-то не способствует писание смешного авторскому оптимизму. И хотя в предисловии к своей «Голубой книге» Зощенко пишет, что «веселость его никогда не покидала», даже сама эта книга опровергает его утверждение. Разумеется, можно встретить людей, профессия которых верой и правдой служит им в житейском обиходе: композиторов, всегда готовых поиграть для друзей; юристов, дающих советы попутчикам в поезде; врачей, хранящих в памяти рецепты для ухода за кожей лица. Профессия Зощенко никогда не была для него подспорьем в практической жизни. Начать с того, что в этой самой практической жизни он был человеком печальным и неразговорчивым. Даже если ему и случалось рассказать что-нибудь смешное (а ведь это может случиться со всяким), он вовсе не старался рассмешить своих слушателей. Я заметил даже, что он в таких случаях с нетерпением ждет, пока слушатели отсмеются, чтобы продолжить свой рассказ. Мне никогда не приходилось видеть, чтобы Михаил Михайлович претендовал на роль души общества, но я не раз наблюдал, как он уклонялся от этой чести, если ему пытались ее навязать. Он неизменно предпочитал роль слушателя роли рассказчика и даже с чтением своих сочинений выступал до крайности редко. И это при том условии, что многие свои вещи он знал наизусть, как стихи. Помню, как удивила его фраза о том, что он не пишет, а записывает свои рассказы. Михаил Михайлович сказал тогда об одном из них: «Он уже весь придуман, осталось только записать». И в ответ на мой недоуменный вопрос сообщил, что работает над своими рассказами мысленно, и только когда вещь совершенно готова и запечатлелась в памяти до последнего слова, записывает ее, почти ничего в ней не изменяя. Можно ли придумать более странный способ работать над сочинениями, главная прелесть которых — в тончайшем словесном рисунке, раскрывающем авторский замысел и характеры действующих лиц более полно и точно, чем это можно сделать в пространнейших рассуждениях и характеристиках? Но ведь Зощенко и вообще-то был человеком странным, человеком, понять и оценить которого нелегко, пользуясь обычными мерками.

Разве не удивительными для сатирического писателя были его мягкость, терпимость и доброта? А ведь знавшим его невозможно представить себе Михаила Михайловича рассерженным, язвительным, недоброжелательно отзывающимся о людях.

В предисловии к одному из сборников своих фельетонов он однажды писал: «В этих фельетонах нет ни капли выдумки. Здесь все — голая правда. Письма рабкоров, официальные документы и газетные заметки послужили мне материалом. А живые люди, которых, быть может, я здесь пихнул локтем, — пушай простят меня.

Впрочем, в последний момент у меня дрогнула рука, и я, по доброте душевной, слегка изменил фамилии некоторых героев, чтобы позор не пал на ихние светлые головы».

Нетрудно понять, какими ракалиями были эти самые «живые люди», фамилии которых Зощенко «изменил в последний момент», найдя в себе силы отнестись к ним с истинным человеколюбием и извиниться перед ним даже за то, что под вымышленными именами выставил их на всенародное осмеяние.

Веселый, необходимый человеческому обществу, как воздух, писательский дар — видеть в людях нелепое и уродливое, и смешно об этом писать — дан был Зощенко вместе с человеколюбием и великой жаждой помочь своим современникам стать умнее, честнее, добрее и благороднее. Поэтому ни один из его рассказов не выглядит зубоскальством или, еще того хуже, олицетворением такого «гусарского» пессимизма (судьба — индейка,

жизнь — копейка), каким проникнуты творения некоторых, по преимуществу зарубежных, сатирических и не сатирических писателей, видящих свое назначение в том, чтобы, сидя в мягких креслах за роскошными письменными столами и вооружившись золотыми перьями, убеждать читателей, что все в этом мире насквозь прогнило и идет к черту.

В отличие от литераторов такого рода, Зощенко не переставал скорбеть о несовершенстве человеческой природы вообще и о неустройстве нашего житейского обихода, в частности — неустройствах, порой мешающих советским людям жить и работать разумно и дружно, как это им подобает. И всю силу своего писательского таланта он устремлял на то, чтобы пробудить в своих согражданах, рядом с непримиримостью к глупости, злобе и пошлости, уважение друг к другу и веру в то, что счастливое будущее человечества они держат в своих руках.

Все это до боли отчетливо видишь сейчас, перечитывая сочинения Зощенко и вспоминая, как искаженно воспринимались они теми критиками, которые умудрились увидеть в его рассказах злопахательское стремление очернить всех без исключения советских людей, представив их скопищем дураков, мещан и прохвостов.

К величайшему нашему счастью, критикам никогда еще не удавалось надолго разлучить читателей с любимыми авторами. И судьба книг Зощенко как нельзя лучше это правило подтверждает.

* * *

14 августа 1946 года было принято Постановление ЦК ВКП (б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград». Сразу после его опубликования А.А.Жданов выступил с одноименным докладом на собраниях партийного актива и писателей Ленинграда.

* * *

«А кто же я такой?.. Как это вдруг я на старости лет, на пятьдесят втором году жизни, заявлять, что я советский? Никаким другим я и не был все эти годы!»

М. Зощенко

Письмо М. Зощенко Сталину

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Я никогда не был антисоветским человеком. В 1918 году я добровольцем пошел в Красную Армию и полгода пробыл на фронте, сражаясь против белогвардейских войск.

Я происходил из дворянской семьи, но никогда у меня не было двух мнений — с кем идти — с народом или помещиками. Я всегда шел с народом. И этого у меня никто не отнимет.

Мою литературную работу я начал в 1921 году. И стал писать с искренним желанием принести пользу народу, осмеивал все то, что подлежало осмеянию в человеческом характере, сформированном прошлой жизнью.

Нет сомнения, что я делал иной раз ошибки, впадая в карикатуру, каковая в 20-х годах требовалась для сатирических листков. И если речь идет о моих молодых рассказах, то следует сделать поправку на время.

За 20 лет изменилось даже отношение к слову...

В годы Отечественной войны с первых же дней я активно работал в журналах и газетах. И мои антифашистские фельетоны нередко читались по радио. И мое сатирическое антифашистское обозрение «Под липами Берлина» играли на сцене Ленинградского театра «Комедия» в сентябре 1941 г.

...Что касается моей книги «Перед восходом солнца», то мне казалось, что эта книга нужна и полезна в дни войны, ибо она вскрывает истоки фашистской «философии» и

обнаруживает одно из слагаемых в той сумме, которая иной раз толкала людей к отказу от цивилизации и к отказу от высокого сознания и разума.

Я вовсе не один так думал. Десятки людей обсуждали начатую мной книгу. И если эти люди в дальнейшем отказались от своего мнения, то я не считал возможным усиливать их трусость своими жалобами.

...А если я сообщаю сейчас об этом, то отнюдь не в плане жалобы, а с единственным желанием показать, какова была обстановка, приведшая меня к тем шагам, за которые несу ответственность лишь я сам, ибо я литератор и, стало быть, сам должен был учесть.

После резкой критики, которая была в «Большевике», я решил писать для детей и для театров, к чему у меня была склонность.

Этот маленький шуточный рассказ «Приключения обезьяны» был написан в начале 1945 года для журнала «Мурзилка». И там же был и напечатан.

...Однако в этом моем рассказе никакого подтекста нет. И никакого эзоповского языка. Это потешная картинка для ребят без малейшего моего злоумысла. И я даю в том честное слово.

А если бы я хотел сатирически изобразить какую-либо сценку нашего быта, то я мог бы это сделать более тонко и остроумно.

Прошу мне поверить — я ничего не ищу и не прошу никаких улучшений в моей судьбе. А если и пишу Вам, то с единственной целью несколько облегчить свою боль. Я никогда не был литературным пройдохой и низким человеком, который отдавал свой труд на благо помещиков и банкиров. Это ошибка. Уверю Вас.

Михаил Зоценко

26 августа 1946 г.

Из письма генеральному секретарю ССП, члену ЦК А.А. Фадееву

...Четвертый год я нахожусь без работы и без заработка.

Обращаюсь к тебе, как к члену ЦК, — укажи, как мне поступить, чтоб не быть лишним человеком в государстве. Все мои искренние желания и многократные попытки включиться в работу не дали желательных результатов.

Я прошу у ЦК указания — что я должен делать?

Михаил Зоценко

*2 августа 49 г. Ленинград
Канал Грибоедова, 9, кв. 124*

* * *

В 1953 году, через три с половиной месяца после смерти Сталина, на президиуме правления СП СССР был поставлен вопрос о приеме Зоценко в Союз писателей, Выступали А. Сафронов, М. Шагинян, К. Симонов, А. Твардовский, Н. Грибачев, Л. Соболев.

Было два предложения. Первое (М. Шагинян): восстановить М. Зоценко в ССП. Второе (К. Симонова): принять заново. Прошло второе.

23 июня 1953 г. ряды Союза писателей пополнились новым членом — Михаилом Михайловичем Зоценко.

И. Меттер

[Из воспоминаний «Седой венец достался ей не даром»]

В 1954 году приехали в Ленинград английские студенты. Будучи на приеме у городских комсомольских секретарей, студенты, среди прочего, поинтересовались судьбой Ахматовой и Зощенко. Свое любопытство они пояснили: за рубежом бродит слух, что два этих писателя репрессированы.

Студентам, естественно, ответили, что слух лживый — Ахматова и Зощенко никогда не были репрессированы.

Молодые англичане спросили: а нельзя ли им встретиться с ними?

И эта встреча состоялась.

В гостиной писательского клуба руководил данным мероприятием Александр Дымшиц. Ему доверили это ответственное дело, выбор пал на него, ибо свою репутацию он блюл с той особой старательностью, которая свойственна людям, однажды провинившимся и строго за это наказанным.

Однако не по его вине приключилось так, что он не оправдал доверия.

Встреча оказалась неуправляемой.

Само время ее, 1954 год, уже носило в своей утробе, но еще не довело до степени зрелости то устройство, что сработало через два года.

В пятьдесят четвертом году история как бы спружинилась, спрессовалась, зависла ее непредсказуемость, и еще неясно было, какие механизмы придут в движение под воздействием этой заново напряженной пружины.

Жажда перемен, торопливое, лихорадочное ожидание их, усталое неверие в их приход и тупое, злобное сопротивление тому, чтобы они наступили, — все эти предощущения выталкивались на поверхность людского сознания и сшибались между собой.

Пятьдесят четвертый год давал возможность для предположений: вместо одного привычного варианта истории внезапно оказалось несколько, и люди, отученные, отвыкшие от догадок, пытались угадать, что именно их ждет. Забрехала возможность многообразного поведения.

Английских студентов, для которых была организована эта встреча с двумя великолепными русскими писателями, вряд ли волновала их судьбы. Произведений Ахматовой и Зощенко они не читали. Представить себе, в какое сложное положение будут поставлены этой встречей Анна Андреевна и Михаил Михайлович, приезжие юнцы не могли, да и не посчитались бы с этим, если б даже знали. Ими руководило жадное и бесстыдное любопытство — не более того.

<...>

Иностранцы задали Ахматовой и Зощенко один и тот же вопрос.

Сперва он был обращен к Анне Андреевне, и покуда переводчица Интуриста переводила, Ахматова, отлично знавшая английский, не поворачивая своей царственной головы, тихо сказала сидевшей рядом Елене Катерли:

— Это не для моего сердца.

И на вопрос, уже прозвучавший по-русски: «Считали ли вы справедливым и считаете ли вы сейчас справедливым то, что было сказано о вас в критических статьях в 1946 году?» — Ахматова сухо ответила:

— Да. Только так.

Мудрость ее истерзанной судьбы подсказала ей этот ответ.

И беспощадное любопытство заграничных мальчиков тотчас погасло.

А Зощенко, наивный Михаил Михайлович, великий провидец в своих маленьких рассказах, простодушно убежденный, что они помогут новому строю искоренить свои пороки, правдоискатель Зощенко, глубоко оскорбленный тем, что его неправильно поняли, оскорбленный тем пошлым, торжествующим невежеством, которым он так

превосходно умел наделять своих выдуманных персонажей, — не смог вынести его применительно к себе. Литературный герой, открытый им, наблюдаемый им, изображенный им, — ожил и посмел хлобыстнуть своего создателя-автора.. Это было до того нереально для наивного Зощенко, что ему чудилось — так не бывает, и уж, во всяком случае, так не смеет быть. В нем еще тлело давнее, старомодное, как шпага, представление, что свою честь должно и возможно отстаивать при любых обстоятельствах.

И когда вопрос, обращенный английскими студентами к Ахматовой, был тут же задан и ему, Зощенко поднялся во весь свой хрупкий, статуэточный рост и не свойственным ему напряженно-горловым голосом ответил.

Вряд ли ега интересовали те парни, что сидели сейчас перед ним, — он отвечал не им. Не им он рассказывал сейчас, как глубоко и беспардонно поругано его достоинство. Лишенный возможности высказать все это тем, кто нанес ему оскорбление. Зощенко отвечал пространству.

Пространству истории.

И как ни парадоксально, два совершенно полярных ответа — бесстрастное «Только так» Анны Андреевны и страстный протест Михаила Михайловича — это и тот же лик истории тогдашних дней нашей жизни. Мучительная гримаса лика.

Английские студенты зааплодировали Зощенко, защелкали фотокамерами.

Ахматова оставила их в равнодушии.

А дня через три в ленинградской газете Зощенко был разнесен в клочья уже по Второму, теперь-то по предсмертному, разу. Об Ахматовой в этой статье не было ни слова.

Я встретил его, когда Анну Андреевну уже восстановили в Союзе писателей, а его — нет.

Он был совершенно спокоен, точнее — безнадежно спокоен. Улыбнулся, как всегда улыбался одним краем рта, и сказал мне, тихим и даже добрым голосом:

— Я шел с Анной Андреевной ноздря в ноздю, а теперь она обошла меня на полкорпуса.

Ю. Томашевский

* * *

...Казалось бы, положение его в литературе нормализуется, и он даже обращается в секретариат ССП с просьбой издать сборник повестей и рассказов. Однако весной 1954 года его настигает новая беда, от которой он так и не смог оправиться до конца своих дней.

В связи с подготовкой к съезду советских писателей на середину июня было назначено собрание ленинградских писателей. Зощенко уведомили, что он включен в список выступающих и от него ждут публичного признания правильности обвинений, которые были направлены в его адрес ранее.

Выдержки из сохранившейся стенограммы:

«...Вот уже 8 лет мне трудно, почти невыносимо жить с теми наименованиями, которые повисли на мне, которые так унизили мое человеческое достоинство.

Я кратко скажу сейчас, что это не вопрос мелкого самолюбия — что вот я обиделся. Это не так. Я понимаю масштабы государства и мой мелкий масштаб. Не в этом дело, вопрос не об этом идет. Вопрос о том, что многие обвинения, которые мне были представлены, я по пунктам, с бумагой в руках докажу, что это не так...

Я не был никогда не патриотом своей страны. Я не могу согласиться с этим. Что вы хотите от меня? Что я должен признаться в том, что я — пройдоха, мошенник и трус?

...Я могу сказать: моя литературная жизнь и судьба при такой ситуации закончены. Я не могу выйти из положения.

Сатирик должен быть морально чистым человеком, а я унижен, как последний сукин сын!

У меня нет ничего в дальнейшем!

Я не стану ни о чем просить!»

Д. Гранин

Из статьи «Мимолетное явление»

...Он вышел из деревянной пасти трибуны, он стал словно бы еще меньше ростом, бледно-желтое лицо его было наглухо замкнуто, но сквозь захлопнутые ставни словно пробивался незнакомый свет.

Спускался, словно уходил от нас в небытие. Не раздавленный, отнюдь, он сказал то, что хотел. Отныне это будет существовать. Оказалось, все эти годы проработал анафем отлучения, ничего с этим сделать не смогли, и как только ему предоставили слово, он отстоял свою честь.

Впервые кто-то осмелился выступить против одного из Верных учеников Продолжателя. Еще не было XX съезда. И слово каждого из них подлежало сомнению.

Письмо в Президиум ЦК КПСС

(Черновик из архива К. Чуковского)

В Президиум ЦК КПСС

Считаем своим нравственным долгом поставить вопрос о восстановлении доброго имени М. Зощенко, известного русского писателя, высоко ценимого Горьким. Уже 10 лет этот большой художник, безупречный Советский гражданин и честнейший человек заклеен в глазах народа, как враждебный нашему обществу «подонок» и «мещанин». Произошло трагическое недоразумение: писателя смешали с персонажами, беспощадного борца с обывательщиной сочли обывателем, заклятого врага всякой пошлости объявили пошляком.

Сейчас Зощенко доведен до морального и физического истощения. Он беспомощен и разбит, болен и стар. Необходимо как можно скорее принять меры к защите писателя, к спасению человека. Необходимо начать издание его сочинений, вернуть писателя Зощенко Советской литературе. Мы просим Президиум ЦК восстановить справедливость в отношении М.М. Зощенко.

К. Чуковский, В. Иванов, В. Каверин, Л. Кассиль, Эм. Казакевич, Н. Тихонов.

Ю. Томашевский

* * *

...Возбуждено ходатайство о назначении Зощенко персональной пенсии.

Из письма Зощенко К Чуковскому (11 февраля 1958 г.):

«С грустью думаю, какая, в сущности, у меня была дрянная жизнь, ежели даже предстоящая малая пенсия кажется мне радостным событием. Эта пенсия предохранит меня от многих огорчений и даст, может быть, профессиональную уверенность.

Это, вероятно, за последние 15 лет меня так застрашали. А писатель с перепуганной душой — это уже потеря квалификации».

...Первый и единственный раз Зоценко получил пенсионное содержание только в июле 1958 г. — за две недели до смерти.

Заключение:

...Зоценко оставил нам более тысячи рассказов и фельетонов, много произведений других жанров... Разбираясь в его наследии, думая над ним, мы, конечно же, вспоминаем Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Чехова и еще раз подивимся тому, сколь стойки и неуязвимы традиции русской классической сатиры, где смех никогда не был смехом стороннего, где за внешне веселой формой всегда стояло идущее от сердечной боли гражданское содержание.

Зоценко был истинный сын своей великой земли. И потому он не гнушался самой неблагоприятной на ней работой. Он был убежден в ее насущной необходимости и это свое убеждение мужественно нес через всю жизнь.

Ю. Нагибин

Зоценко

Мои воспоминания о М.М.Зоценко крайне скудны, но ведь говорил же Пушкин, что любая подробность из жизни великого человека драгоценна.

Я видел Зоценко трижды: мальчиком — на вечере в Политехническом музее, зрелым человеком в его ленинградской квартире на канале Грибоедова; в последний раз я видел не Зоценко, а его маленькое тело в тяжелом гробу...

Вечер в Политехническом музее состоялся где-то в середине тридцатых. К этому времени уже открылось, что Михаил Зоценко не смешной, а страшный писатель.

...Читал Михаил Михайлович изумительно. Ильф хохотал тихо, но до изнеможения, до слез. Петров грохотал, булькал и чуть не упал со стула. А фокус был в том, что Зоценко, вроде бы, никак не читал, просто добросовестно и внятно произносил текст. Но контраст между невероятно смешным и серьезным, чуть печально смугловатым лицом производил гомерический эффект.

Михаилу Михайловичу был задан вопрос, кто, по его мнению, лучше всех читает его рассказы. «Вне всякого сомнения, Игорь Владимирович Ильинский», — сказал Зоценко и поклонился сидящему на сцене актеру.

«Я тот человек, который растянул свою жизнь. Она должна была кончиться куда раньше...»

Я живу сейчас чужую жизнь. Ведь я вроде той пробки, которую вы каким-то чудом извлекли. У меня больные легкие, ни к черту годное сердце и сосуды. В мировую войну я был отравлен газами, в гражданскую — навсегда испортил пищеварение. Я тяжелый невропат. У меня была нелегкая жизнь. Я никогда не думал, что доживу до старости, хотя очень хотел дожить. Мне казалось интересным побывать во всех возрастах. Я поставил себе такую цель и добился ее. Старость очень интересная пора. Я испытал ее и могу спокойно уходить».

«...Сталин ненавидел меня и жал случая, чтобы разделаться. “Обезьяна” печаталась и раньше, никто на нее внимания не обращал. Но тут пришло мое время. Могла быть и не “Обезьяна”, а “...В лесу родилась елочка...” — никакой роли не играло. Топор навис надо мной с довоенной поры, когда я опубликовал рассказ «Часовой и Ленин». Но Сталина отвлекла война, а когда он немного освободился, за меня взялись...»

Я совершил непростительную для профессионала ошибку. У меня раньше был «человек с бородкой». Но по всему раскладу получилось, что это Дзержинский. Мне не нужен был точный адрес, и я сделал человека с усами. Кто не носил усов в ту пору?

Но усы стали неотъемлемым признаком Сталина. «Усатый батька» и тому подобное. Как вы помните, мой усач бестактен, груб, нетерпим. Ленин отчитывает его, как мальчишку. Сталин узнал себя — или его надоумили — и не простил мне этого...

— А вы написали бы просто «какой-то человек»,— подал я и полезный, но несколько запоздалый совет.

«Это никуда не годится. Каждый человек чем-то отличен, ну и отделите его от толпы. Плохие литераторы непременно выбирают увечье, ущерб... Это дурно. Зачем оскорблять человека, которого вовсе не знаешь? Может, он и кривой, а душевно лучше вас».

Значительна ответственность больших писателей за каждое слово и замечательна их вера в жизненную реальность создаваемых ими образов. Зачем плодить уродов без крайней художественной надобности. Следует сказать, что в посмертном двухтомнике Зощенко усатый грубиян превращается в «какого-то человека». Редактор трогательно защитил Сталина от «клеветнических инсинуаций». Милые соотечественники, что с вами творится? Почему так упорно не желаете развеять гнилостный туман...

Он умер летом 1958 года в день моего приезда в город. Едва сойдя с поезда, я окунулся в слухи и пересуды. Будет гражданская панихида или не будет? Выставят гроб с телом покойного в ленинградском Доме писателей или не выставят? Дадут некрологи в газетах или не дадут?..

И речь шла о всемирно известном писателе, гордости русской литературы, о тяжело и несправедливо пострадавшем человеке, жертве сталинского произвола, ни в чем не виноватом ни перед народом, ни перед властью. И тщетны были все попытки Ахматовой и ее друзей вернуть достоинство — не Зощенко, он его и не терял,— а времени, которому вовсе не к лицу было принимать на себя чужие грехи...

Гражданскую панихиду все же разрешили, но опять же втайне от широких трудящихся масс.